

Сердце Цэнь Цзибая болезненно сжалось, и он поспешно отвёл взгляд. Он пришёл навестить Линь Цзиня, но, оказавшись здесь, вдруг осознал, что боится встретиться с ним лицом к лицу. Он мог обнимать беспмятного Линь Цзиня, думая о нём как о третьем брате из прошлой жизни, но перед этим трезвым и чужим ему юношей Цэнь Цзибай был бессилён — лишь боль сжимала сердце. Боль за Линь Цзиня из прошлого. И за себя.

Увидев правителя Ся со свитой, все в шатре поспешно преклонили колени. Линь Цзинь тоже попытался подняться, но государь остановил его:

— Цзибай хотел навестить тебя. — Он позволил всем встать и обратился к лекарю:

— Линь...

— Линь Цзинь, — быстро подсказал Цэнь Цзибай, и эти слова снова отозвались болью.

— А, да... Линь Цзинь. Кажется, его прочили в твои товарищи по учёбе? — правитель Ся вдруг вспомнил. Он пил слишком много, память часто подводила, а то, что помнил, путалось в голове.

Линь Цзинь, услышав это, опустил глаза, уставившись в узоры на парчовом одеяле.

Цэнь Цзибай не хотел касаться этой темы, потому потянул отца за рукав:

— Отец, ты же обещал их наградить.

Правитель Ся рассмеялся, велел лекарям хорошо осмотреть Линь Цзиня и задумался. Дети были слишком малы для чинов, и он одарил их золотом и шёлком. Линь Шу же уже носил высший военный титул — жаловать было нечего. Да и в армии Линь государь ничего решить не мог. Братья поблагодарили, и Цэнь Цзибай увёл Линь Сюня из шатра.

Линь Сюнь, избалованный домашними, никого не слушался, но, став придворным товарищем, искренне привязался к Цэнь Цзибаю и обычно слушался его беспрекословно. На этот раз, однако, он всё ещё ворчал, оглядываясь на Линь Цзиня:

— Я одеяло сбрасываю...

Цэнь Цзибай проигнорировал это и потащил его в свой шатёр.

Лишь оказавшись там, Линь Сюнь понял, что его привычка сбрасывать одеяло Цэнь Цзибая нисколько не волнует.

Принц велел постелить на землю толстый слой и уложил его там. Пусть и мягко, но всё же на полу! Линь Сюнь надулся, но под строгим взглядом не посмел отказаться от лекарства. Сосал за щекой цукат, мрачно дуюсь.

Цэнь Цзибай не выдержал и спросил:

— Что с тобой?

Оставшись один, Линь Сюнь вскоре умылся бы и заснул. Но раз обиду заметили, она разрослась.

— Третий принц не разрешает мне быть с третьим братом... — Линь Сюнь разгрыз цукат. — Он ведь мой брат!

— Раньше ты и во дворце-то не давал мне задержаться, на ночь прогонял... А теперь вот зовёшь. Ты просто не хочешь, чтобы я был с ним, вчера тоже не разрешил... Он же мой брат! — Чем больше он думал, тем обиднее становилось, и на глаза навернулись слёзы.

— Хватит реветь! — Цэнь Цзибай, несколько лет бывший правителем, умел быть пугающим, когда терял терпение. Линь Сюнь захлебнулся и замолчал.

Цэнь Цзибай смягчил тон и принялся терпеливо объяснять. Линь Сюня, которого то пугали, то успокаивали, это лишь сильнее встревожило, и он окончательно перестал плакать.

После ухода Линь Сюня Линь Цзинь сидел на кровати, вспоминая вчерашнее «третий брат». Ему казалось, что третий принц слишком сблизился с его младшим братом. И что значит, что он стал называть его так же? Этот негодник Линь Сюнь твердил, что хочет быть с ним, а услышав слово Цэнь Цзибая, тут же побежал. Чем больше Линь Цзинь думал, тем сильнее душила досада, и ночь прошла беспокойно.

На следующий день, когда лагерь сняли, Линь Сюнь заглянул в повозку Линь Цзиня лишь на полуденном привале и ненадолго. Линь Цзинь не знал, что Цэнь Цзибай запретил брату его тревожить, пока тот лечится. Но даже зная это, всё равно решил бы, что принц просто нашёл предлог, чтобы оставить Линь Сюня при себе.

Правитель Ся рассчитывал, что поездка позволит переждать смуту в Линъяне, поохотиться и развлечься, и был в ярости, узнав о засаде Цэнь Мутуна. Той же ночью он велел гвардии конфисковать имущество семьи Фан, что изрядно пополнило казну. Теперь государь размышлял, как потратить эти деньги.

В прошлой жизни он расширил императорский манеж и собрал множество красавиц для гарема. В этот раз Цэнь Цзибай не мог помешать отцу тратить, но его беспокоило, кому достанется военная власть Фан. Лишь бы только не семье Чжоу.

Осенний дождь не прекращался, небо хмурилось, и путь шёл медленно. Лишь к вечеру караван вернулся в Линъян.

Госпожа Чжоу, узнав о покушении на охоте, изрядно перепугалась. Своих детей у неё не было, и если бы что-то случилось с Цэнь Цзибаем или правителем, это было бы для неё губительно. Хотя Цэнь Цзибай, чья мать была незнатна, всегда почтительно относился к ней, родным сыном он не был. Окажись правитель мёртв, даже посади она Цэнь Цзибая на трон, удовлетворения бы это не принесло. А погибни Цэнь Цзибай — и без того убывающая милость государя иссякла бы окончательно.

Поэтому, увидев их невредимыми, госпожа Чжоу искренне обрадовалась.

— Цзибай, я так за тебя боялась, — притянув его к себе, госпожа Чжоу принялась расспрашивать, беспокоясь о ране, разыгрывая роль любящей матери.

— Сестрица, ты лишь о сыне печёшься, а о Его Величестве и не подумала? — госпожа Юй, прикрывая глаза платком, обратилась к государю:

— Ваше Величество, я слышала, вы в опасности были... Так испугалась... Позвольте взглянуть, не ранены ли вы? — Она ухватила за рукав правителя, норовя прижаться к нему.

Госпожа Юй, принцесса из царства Юй, была знатнее и императрицы Фан, и госпожи Чжоу. Правитель Ся частенько занимал у Юй зерно и деньги, потому вынужден был оказывать ей

почтение. Но ей уже перевалило за тридцать, и она не могла сравниться с госпожой Чжоу ни молодостью, ни ухоженностью, отчего и милости государя была лишена. Полагаясь на поддержку родной страны, госпожа Юй то и дело ревновала и задирала новых фавориток, чем лишь сильнее раздражала правителя.

Госпожа Чжоу же, напротив, держалась с достоинством, не вмешиваясь в склоки, чем и привлекала государя.

На этот раз правитель Ся и без того был не в духе, а тут ещё эта увядшая женщина лезет обниматься. С отвращением оттолкнув её, он взял под руку госпожу Чжоу.

Красивых и покорных женщин вокруг было много, но с госпожой Чжоу его связывали долгие годы — какие-то чувства оставались. Детей она не родила, сохранила красоту, а воспитанный ею Цзибай был куда приятнее, чем Цэнь Мутун или Цэнь Цюэхэ, обмочившийся от страха при нападении. На их фоне госпожа Чжоу казалась ещё милее, и государь повёл её в её покои.

А значит, уже завтра утром войска семьи Фан перейдут под начало дяди Цэнь Цзибая, Чжоу Куня. Цэнь Цзибай забеспокоился, но вокруг не было никого, кто мог бы помочь.

— Учитель, с вами всё в порядке? — Не зная, что делать, Цэнь Цзибай сделал вид, что поддерживает Сун Чжияо. — Отчего вы вдруг закружилась голова?

— Вэйлань! — услышав это, правитель Ся обернулся, окликая Сун Чжияо по имени, и поспешил к нему.

Цэнь Цзибай быстро начертил у того на ладони «южная армия» и отступил, позволив государю взять учителя под руку.

Сун Чжияо раздражённо сверкнул на него глазами, но правителя не оттолкнул, лишь потирая виски, пробормотал, что всё в порядке.

Но выглядел он совсем не так. Правитель Ся тут же позвал лекарей и повёл Сун Чжияо в чертог Вэйлань.

Цэнь Цзибай последовал за госпожой Чжоу, делая вид, что не замечает её досады, и болтал об охотничьих приключениях. Госпожа Юй с сыном, стоя в стороне, наблюдали, как госпожа Чжоу не сумела заполучить государя. Хотя он и не пошёл к ним, но и к ней тоже — и на душе у них стало чуть легче.

<http://bllate.org/book/15933/1423819>